

18+

Владимир Дараган

НА ВЕРХНЕМ ОЗЕРЕ

Владимир Дараган
На Верхнем озере

«Издательские решения»

Дараган В.

На Верхнем озере / В. Дараган — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511593-5

Это сборник рассказов о путешествиях по берегам Верхнего озера — одного из Великих американских озер. Скалы, розовые и черные пляжи, горные реки, водопады, дремучие леса — более 100 фотографий, сделанных во все времена года. Тут также найдете рассказы о поисках агатов, библейских гигантов и др.

ISBN 978-5-00-511593-5

© Дараган В.
© Издательские решения

Содержание

Этюды Верхнего озера	6
Дорога	8
Лагерь и день рождения	16
Утро	22
День	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

На Верхнем озере

Владимир Дараган

© Владимир Дараган, 2020

ISBN 978-5-0051-1593-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Этюды Верхнего озера

Роса

Мне двадцать лет, и я хочу пригласить девушку в поход. Мужские компании должны быть разбавлены теми, за кем надо ухаживать, кого надо оберегать и кем любоваться у вечернего костра. Иду с очередной жертвой по Ленинскому проспекту.

– Ты только представь, – бормочу я, – выходишь утром из палатки, а на траве роса на солнце искриться. Как-будто тысячи алмазов рассыпаны. И все это твое!

Потом я рассказываю, что сейчас в своей комнате на Ленинском проспекте по утрам я не люблюсь сверкающими алмазами, а вытираю сажу с подоконника.

Девушка внимательно слушает, говорит, что я романтик, и предлагает вместо похода поехать купаться в Серебряный Бор.

Я умолкаю – ведь реальность совсем другая. Из палатки ты не выходишь, а выползаешь. Надеваешь кроссовки, которые сразу намокают на росистой траве. Надо быстрее разжечь костер, чтобы отогнать злых утренних комаров, но дрова отсырели. Ты идешь к ближайшей елке, отламываешь нижние сухие веточки, складываешь из них маленький шалашик, чиркаешь зажигалкой. Потянулся дымок, затрещали ветки. Теперь можно оглянуться и посмотреть на те самые алмазики. Скоро они исчезнут.

Дорога

Верхнее озеро

Верхнее озеро (Lake Superior) – одно из Великих американских озер. Половина его северного побережья находится в штате Миннесота. Вторая половина – канадская. От Миннеаполиса до озера ехать около двух часов. Потом надо проехать скучный промышленный город Дулут – виден порт, баржи, заводы, мосты и серебряная гладь до горизонта. Но надо ехать дальше. Скоро начнется сказка, за которой мы отправляемся по несколько раз в год.

Зимой мы едем за скрипящим под лыжами снегом и ледяными украшениями на скалах. Весной – за бушующими водопадами и свежим вкусным ветром с озера. Летом убегаем от тропической влажности в Миннеаполисе. Осенью отправляемся полюбоваться разноцветными сопками и собрать крепкие белые грибы.

Летом мы выезжаем с палаткой, зимой снимаем хижину в лесу. Короток зимний день. За окном темно, падает снег, гудит в печке огонь. Иногда раздается шуршание – это елки сбрасывают снежные воротники со своих ветвей.

Перед дорогой

Всё начинается не с дороги. Всё начинается со сборов.

– Палатку взяли, матрасы взяли, спальники взяли. Тент от дождя будем брать?

– По прогнозу дождя не будет.

– Значит, надо брать обязательно!

Теперь мы всепогодные, как танки.

Альпинисты и туристы, уходящие на много недель в горы или тайгу, берут только то, без чего можно обойтись. Если ехать с палаткой на кемпинг, то ситуация меняется. Берем все, что доставит радость. Например, шахматы.

– Ты мне подсказываешь, получается, что играешь сам с собой.

– Для меня большая радость, когда ты выигрываешь. Улыбка и свет в твоих глазах важнее, чем упоение победой.

– Раз так, то я возьму вторую сковородку.

Машина загружена.

– Мы ничего не забыли?

– Даже если и забыли, то это неважно. Больше в машину ничего не влезет.

В машине

В машине мы вдвоем с МС (моя спортсменка). Этот литературный герой появляется во многих моих книгах. МС с недавних пор твердо уверена, что лучше жизни в палатке ничего нет, кроме путешествий по Италии.

Меня это однажды поразило и поражает до сих пор. Наша жизнь в палатке началась, как мне показалось, максимально неудачно. Однажды наша компания собралась с палатками отметить день рождения нашего друга. Снаряжения у нас не было – пришлось одолжить крошечную палатку у знакомых, и мы отправились навстречу приключениям.

Палатки поставили на большой поляне, где кроме нас стоял лагерь американской молодежи. Американцы вечером крепко выпили, до утра хохотали и обсуждали мировые проблемы. Уснули мы под утро. А утром один из «лагерников» включил на полную громкость транзистор и весь день услаждал поляну громкой музыкой.

– А мне тут нравится, – неожиданно сказала МС. – Поедем через неделю на другой кемпинг.

Второй кемпинг был еще хуже первого. Открытая местность, палатки стоят почти рядом. Соседи слева весь вечер пьют пиво, а соседи справа что-то громко обсуждают. Ночью пошел сильный дождь, наша палатка протекла...

– А мне и тут нравится, – опять сказала МС. – Давай завтра поедем в магазин и купим палатку, спальники, матрасы, походные кастрюли, шезлонги и прочие прелести.

После этого я вопросов не задавал. Кемпинг стал частью нашей жизни

У МС много положительных качеств, но есть один недостаток – она не дает мне долго пребывать в состоянии дзен. Я всегда мечтал смотреть, как растет трава, но, оказывается, что мне лучше сделать 25 приседаний или пройти пять километров со скандинавскими палками. Теоретически я согласен, но МС добивается, чтобы теория стала руководством к действию.

Дорога усыпляет, я сбавляю скорость.

– Ты от него отстаешь!

– Я держу дистанцию, у нас и так 130 на спидометре.

– Дистанция – это когда расстояние постоянное, а ты отстаешь.

– Ладно, я его обгоню, чтобы ты его не видела и не мерила расстояние.

– Тебе хорошо, ты сидишь и рулишь. А я тут пассажирю и мучаюсь!

Прибавляю скорость. «Ой, хорошо!» – говорит МС и засыпает. За окном 30С, в раскаленном воздухе над асфальтом появлялись миражи озер с серебристой водой. Я снова сбрасываю скорость. На спидометре 110 км/час. Солнце уже у горизонта, длинные тени от деревьев заползают даже на скоростную трассу. Надо ехать быстрее, но я хочу спать, и нога не хочет нажимать педаль газа. У меня для каждого состояния организма своя максимальная скорость. Сейчас она 110 км/час. МС проснулась, ерзает на пассажирском месте, просится за руль. Я не против. Мы останавливаемся, меняемся местами, Машина рвет с места, я смотрю в окно на сосновые рощи и на зеленые поля. Когда МС за рулем, то на спидометр я не смотрю. Мне и без того страшно. °

В тумане

Все хорошо, когда сухая дорога и нет солнца в глаза. Плохо, когда туман. Совсем плохо, когда туман и никого не трассе – так бы ехал за красными огоньками. Сбавлять скорость не хочется, я поглядываю на экран навигатора – он показывает изгибы дороги.

– Иду по приборам, – сообщаю попутчику.

– Вот именно. Ты идешь, а надо ехать.

Прибавляю скорость. Ангел-хранитель просыпается и шепчет, что он устал со мной работать.

– Из воды тебя вытаскивал, дал зацепиться за камень, когда ты скользил по льду к обрыву. Сколько раз руль отворачивал, когда ты обгонять кого-то надумал. Может хватит? – спрашивает он.

– Да ладно, – отвечаю. – Тут тебе дел на пару часиков, потом отдохнешь.

– С вами отдохнешь, – ворчит ангел.

Маяк в Two Harbors

У озера 13С. Мы в городке Two Harbors (Две Гавани). Центральная улица городка – это парад магазинов и кафе. Все для туристов, все для опустошения карманов, желающих поглядеть с озером. Еще в городе порт и маяк. Туда надо хоть раз в жизни заехать и сделать снимок. Снимок всегда получается скучным – маяк расположен так, что как его ни снимай – получается сарай, забор и коренастая башня. Зато недалеко от маяка есть уходящая в озеро насыпь-волнолом, около которого можно сделать красивый снимок заката. Причем, не выходя из машины. На озере есть еще одно такое место, об этом я расскажу позднее. Волнолом ограждает одну из бухт города от зимних штормов и ведет к небольшому маячку. Летом тут приятно прогуляться. Зимой волнолом покрыт льдом. Смотрится красиво, но туда лучше не соваться. °

Зимние снимки маяка и волнолома в городке Two Harbors

Около маяка часто можно видеть машины с пенсионерами, пьющими что-то из банок и ожидающих, когда солнце коснется горизонта. И вот он, долгожданный момент! Банки отставлены, достаются фотокамеры. Щелк, щелк! – все готово. Можно ехать домой, смотреть

телевизор и пить молоко, заедая его печеньками. Сейчас на скамейке у маяка сидят местные по виду жители и пьют кока-колу. Мы закутались в куртки и смотрим на озеро.

– Такую сине-серебряную воду мы больше не увидим, – говорит МС. – Прогноз изменился – дождь начнется завтра в шесть утра и кончится, когда мы поедем назад.

– Кстати, – добавляет она, – мы забыли термос. Поехали в магазин, это рядом.

Термосы в магазине были. Даже в наборе с кружками.

– Я ничего не понимаю! – удивляется МС. – Термос с двумя кружками стоит 20 долларов. А такой же термос без кружек стоит тоже 20 долларов. Сколько тогда стоят кружки?

Я пытаюсь рассчитать, но голова уже не работает. Цифр мне на работе хватает. Тут, у озера, мозг отказывается пользоваться даже арифметикой. Надо торопиться – предстоит еще разбивка лагеря и приготовление ужина. Выходим из магазина с термосом, двумя кружками и счастливой МС.

Вдоль озера

Мы трогаемся и едем вдоль озера. Впереди еще больше ста километров. Серое небо сливается с асфальтом. Красок почти нет. Позади тяжелая серая неделя на работе. Прошедшие дни слились в один длинный день, состоящий из сумерек.

– Этюд в серых тонах, – почему-то приходит мне в голову. – Жизнь в темно-серых тонах.

– Ты о чем?

Молчу и смотрю на темную тучу, нависшую над горизонтом. Я снова за рулем, занимаюсь слаломом среди «тихопердигов». «Тихопердики» везут лодки, дома на колесах и квадрациклы для езды по лесным и горным тропам. Удовольствие сомнительное, но, наверное, я просто перерос такую любовь к моторам.

Вдруг дорогу заволокло туманом. Кажется, что озеру не хватает места и оно расплзается по окрестным низинам в виде туманов – своих первых разведчиков. Пейзаж вокруг становится фантастическим, можно начинать охать от радости или повыше поднять воротник и с опаской поглядывать на белые размытые фигуры, пляшущие в вихрях плотного влажного воздуха. Дорога просматривается метров на пять. Дальше белая стена, из которой иногда выплывают огни встречных машин или дорожные знаки. Я беру в руки фотокамеру и приглашаю МС за руль. Она почти не ворчит, ей уже наскучило на пассажирском сидении. МС – мастер вождения автомобилей в условиях нулевой видимости. В Израиле она была за рулем машины с неисправными фарами, когда мы ночью неслись по горному серпантину, включив аварийные мигалки. В горах Южной Дакоты она мастерски вела машину среди ночного дождя, когда только вспышки молний освещали крутые повороты.

На спидометре 120 км/час, дворники смахивают конденсат со стекла, я шелкаю камерой и слушаю шипение шин по мокрой дороге. Туман начинает отступать, появляются весенние краски. Напоенная дождями и туманами трава светится яркими пятнами среди красных скал, темных елей и берез. Вдоль дороги желтые одуванчики и фиолетовые люпины. Тысячи люпинов! На одной из полянок мы видим стайку фотографов, стоящих на коленях. Это местный фотокружок выехал на фотоохоту. МС вопросительно смотрит на меня. Я отрицательно мотаю головой. Фотографировать люпины мне не хочется. Хочется горячих макарон и кусок сочного жареного мяса. И еще чаю с коньяком.

...Таких поездок были десятки. Весной, летом, осенью, зимой. В жару, дождь, туман, гололед... Днем и поздним вечером. Ни одна поездка не была похожа на предыдущую. Похоже было одно – часы за рулем пролетали незаметно. Ведь впереди встреча с чудом, а ожидание часто бывает лучше, чем само чудо.

Лагерь и день рождения

С чего все начинается

Лагерь – это палатка, стол, место для костра, тент от дождя и место для умывальника. Американцы называют это место «кемпсайт». Меж собой мы называем место для лагеря «сайтом». Суровые рейнджеры называют сайт более прозаично: «спот».

– Нравится ваш спот? – спрашивают они, проезжая мимо.

– Отлично! – говорим мы. Другой ответ даже не подразумевается. Все в этой жизни на природе отлично. А если не отлично, то сиди дома и смотри сериалы.

Место, где расположены устроенные сайты, называется кемпграунд. Там есть будочка или ящик, куда надо отдать символическую плату за удобства. Удобств два: туалеты и питьевая вода. Если кемпграунд далеко от цивилизации, то воду надо выкачивать из земли ручным насосом.

Еще на сайте устраивается философский уголок – там стоят шезлонги. Это место для раздумий. Все попытки работать на природе пресекаются множеством событий: то бурундук придет на инспекцию, то вороны пролетят, то гусеницы начнут на паутинках спускаться с еловых веток... Когда лагерь устроен, то романтики становится меньше. Пик романтики, когда приезжаешь к любимому месту, а с неба льется вода и падают сосновые/еловые шишки. В такие моменты включаются все резервы организма. Мозг мгновенно решает любые топологические и технологические проблемы, и через пять минут из куска ткани и нескольких палок вырастает огромный трехмерный дворец. Дождь обычно прекращается, когда заканчивается устройство лагеря. Становится тепло и тихо. На небе яркие звезды, где-то за деревьями всходит луна. На нашей поляне светит яркая газовая лампа, около нее можно изучать летающую ночную нечисть. Из нечисти были только маленькие бабочки, которые норовили залезть внутрь лампы. Их жизнь спасало стекло, окружающее асбестовые мешочки с раскаленным добела порошком.

– Это рай! – говорит МС, глядя на лампу. – Тепло, светло, никто не кусает.

– Жизнь прекрасна, – неосторожно сказал я, когда был готов ужин.

После радостей

– Такие слова нельзя говорить вслух, – сказал подъехавший друг, который работал в университете, в центре магнитной томографии.

Накануне он придумал новый метод регистрации сигнала и провел удачный эксперимент. Радостный он ехал домой и думал о том, как хороша жизнь. Но потом подумал, что за все радости мы всегда расплачиваемся.

– Интересно, а что у меня будет в черной полосе? – подумал он, подъезжая к дому.

Оказалось, что его жена поливала цветы, положила шланг около дома, не завернула кран, понадеявшись на краник на самом шланге, и уехала на работу. На солнце шланг разогрелся, краник сорвало, и вода залила подвал в доме.

– Интересно, а что произойдет, если я сделаю открытие на Нобелевскую премию? – думал друг, вычерпывая воду.

Батарейки

В лесу любая ерунда приобретает философский смысл, простые истории кажутся описанием захватывающих приключений. К костру подошел Виталик – специалист по зловредным клеткам в наших организмах. Вид счастливый, понятно, что сейчас будет рассказана история. Вот она:

Мы встали лагерем в 20 км отсюда. И конечно забыли батарейки. Пришлось снять стресс и поехать куда глаза глядят. Через километр глаза увидели в лесу пивной бар. Зашел, увидел барменшу. Она была полна, блондиниста и красива в сумерках. Сказала, что батареек у нее

нет. Я сказал, что тогда лягу тут на пол и умру в трезвости и печали. Тогда батарейки нашлись. Бесплатно выпить не дала.

– Это вода или водка? – спросил Виталик после окончания рассказа.

– Какая разница – тебе налить?

День рождения

Идем в гости на соседний сайт. Там празднуется день рождения нашего друга, физика-оптика. Он большой, сильный, спокойный и добрый. О таких мечтают все женщины и называют их «мой валиум» или «мой феназепам». Его жена только что приехала с Гавайских островов. Она загадочно загорелая и напоминает какую-то киноактрису. На деревьях висят разноцветные шарики, создавая праздничное настроение и желание немедленно выпить. Именинник был деловит и жарил баранину.

– А что у тебя в тех кастрюлях?

– Маринованная свинина и курица.

– И кто это съест? Мы все уже перекусили.

– Меня запрограммировали на пожарку всего этого. А вопросы ко мне – это после выполнения программы.

Первые тосты, имениннику вручается письменное поздравление.

– Ты почему наше поздравление про себя читаешь, мы тоже хотим все знать!

– Так это про МЕНЯ написано, вот я про СЕБЯ и читаю!

Мы спели имениннику песню о замечательных горных ботинках, которые ему подарили для лазанья по скалам Колорадо, куда он собирается в августе. И еще про замечательные шнурки к тем ботинкам. И еще много чего спели. На следующий день американка, которая жила на соседней полянке, сказала, что она была готова слушать наши песни всю ночь.

– Это она намекнула, что ночью все должны спать, а не орать на весь лес.

Зефир

Пытаемся понять, почему американцы любят поджаренный зефир.

– Зефир надо нанизывать на палочку и обжаривать его на костре.

– А он у меня загорелся!

– Дунь на него! Ни в коем случае не тряси, а то капли попадут на лоб и будут там гореть.

– Это будет красиво!

Ночь

Воздух на озере холодный, плотный. Им можно закусывать. У всех нас столько событий, что тостов хватит до утра.

День после

В следующий вечер после празднования дня рождения надо было окончательно проветрить усталый организм, и мы отправились на галечный пляж около маяка. На пляже гомонила большая семья индусов. Они фотографировались на фоне озера и непрерывно смеялись.

Я осмотрелся, но ничего смешного вокруг не обнаружил. Солнце начало садиться, вода в озере была спокойная и синяя. Маяк на скале был еще освещен последними золотыми лучами, а ели на красных скалах были загадочны. На восточной части неба уже был виден перелив вечерних цветов, который так красив в чистом северном воздухе. Нет, право, ничего смешного вокруг не было. А индусы смеялись. Я смотрел на них и завидовал.

Фотошоп на небе

– Я не буду ее снимать!

Это я капризничаю. Я хочу еще кусок жареной говядины, а не лезть в палатку за штативом и камерой.

– Правильно, нечего ее снимать, все равно никто не поверит, что это без фотошопа!

На небо из озера выползает огромная желтая луна. Над ней шапочка из облаков, от нее по воде бежит яркая дорожка. Все это в рамочке из веток с молодой листвой и кажется, что

мы смотрим на законченную картину. Такое искусство продается в местах скопления туристов и называется «кич».

– Может попробуешь?

Я опять ворчу, лезу в палатку, потом долго устанавливаю штатив. Штатив не желает стоять прямо и такое чувство, что он выпил вместе со мной. Наконец штатив утомился и замер. Облака закрыли луну, съемка окончена.

Диалоги

Ну какой кемпинг без разговоров. Только успевай записывать. На мой блокнот никто не обращает внимание.

– Не люблю работать одна – обожаю командную работу.

– Ты имеешь в виду, что обожаешь команды отдавать?

– В присутствии сосредоточенных мужчин у меня повышается внимание!

– Да, это заразно.

– Доброе утро! Как самочувствие?

– Самочувствие прекрасное, но оно уже хочет завтракать.

Комаров не было, в воздухе летала только шелуха от сосновых шишек, которые белки ели на деревьях.

– Смотри, белка кидает в нас шишки, она тут хозяйка и хочет нас прогнать.

– А раньше не кидала!

– Она надеялась, что у нас совесть проснется!

– Ты будешь чай или кофе?

– Угу!

– Так что, в один стакан?

– Мужчины в креслах, женщины работают.

– Да... природа берет свое.

– Мне надо спуститься к водопаду.

– Я буду волноваться за тебя!

– Давай спускаться вместе.

– Тогда я буду волноваться еще и за себя.

– Я сделал открытие! Если надеть очки, открыть умную книгу, прикрыть глаза и подремать так с полчаса, то знаний не прибавится.

– Жаль, ты так хорошо смотрелся!

– Кто пойдет со мной завтра встречать восход?

– Я! А что мы будем делать?

– Романтичной любви не обещаю, но штатив поносить дам.

– У тебя пляжные тапочки на вырост?

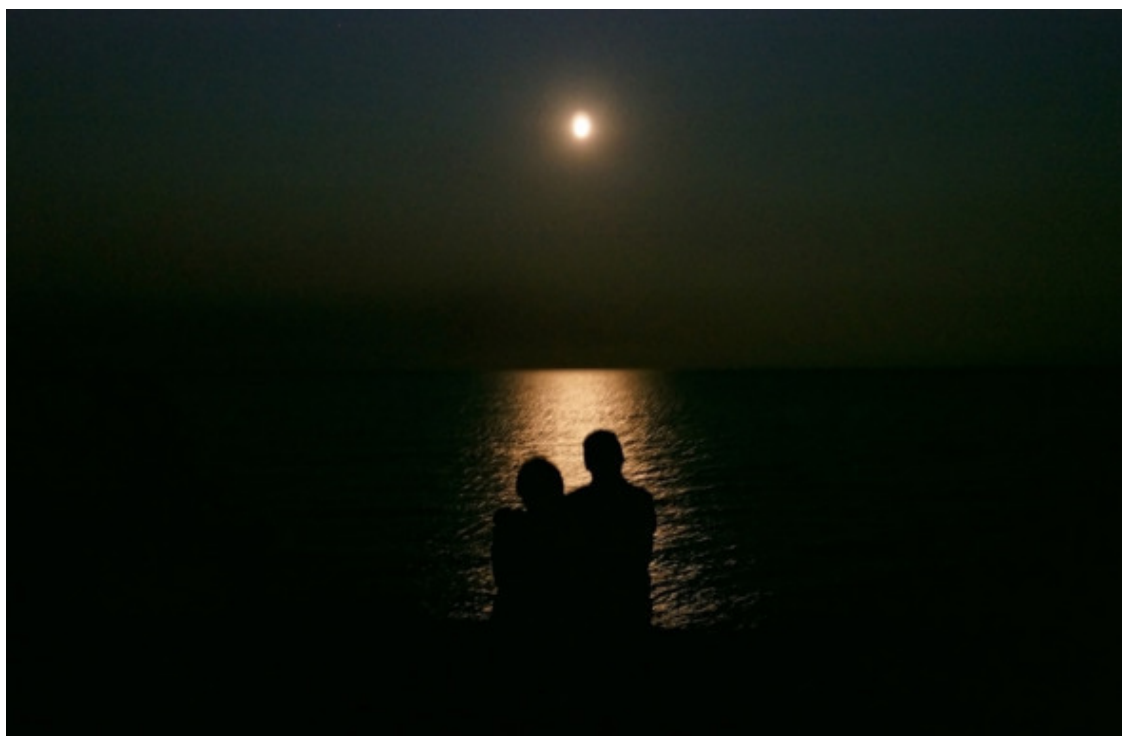
– Нет, они на шерстяной носок.

О болезнях

Жизнь в палатке, как и на яхте, хороша тем, что сразу вылечиваются все болячки: настоящие, прошлые и будущие. Энергии в организме столько, что готов спать 24 часа в сутки.

Утро

Восходы

Да, было время, когда я бегал встречать восходы. На нашем любимом месте солнце заходит за лес и холмы. А восходит над озером. Красиво восходит. И это хотелось сфотографировать, чтобы долгими зимними вечерами вспоминать, как это было прекрасно. Попробую описать увиденное словами. Дело было в августе:

Небо чистое, и лишь около горизонта мутнела серая пелена, из которой поднимался темно-красный круг утреннего солнца. На серебряной воде заискрилась красная дорожка, которая постепенно стала золотой. Темные скалы порозовели, редкие желтые листья внутри кустов вспыхнули яркими пятнами среди совсем еще летней зелени, покрывавшей крутые склоны. Галька шуршала под ногами, где-то кричали чайки, в воздухе еще пахло туманом, который совсем недавно прогнало восходящее солнце.

Я стоял с фотоаппаратом, понимая, что никакие линзы и мегапиксели не смогут передать восторг от пробуждения озера.

Это описание идеального процесса фотографирования восхода. С романтикой и восторгом. А было и так:

В пять утра я вылезая из палатки и иду на галечный пляж снимать восход. Что-то не то... Рюкзак кажется тяжелым, дорожка слишком крутая. Я ощущаю себя Маресьевым – каждый шаг дается с трудом. Колотит озноб, в глазах резь, даже бледная утренняя луна кажется слишком яркой. А вчера я прыгал, как молодой козлик.

На берегу сыро и зябко, вдали чернеет маяк, небо кроваво-красное и предвещает ветреный день. Я быстренько делаю снимок и плетусь назад к теплому спальному мешку. Решаю начать новую жизнь, где пьянству и обжорству не будет места. С этой благородной мыслью я засыпаю.

А вот еще один восход – нечто среднее между первым и вторым:

Что меня заставляло вылезать из теплого спального мешка в пять утра – не знаю. Представьте картину – из палатки на четвереньках выползает фотограф. Лицо невыспатое, опухшее и усталое. Мир не фокусируется и только глоток кофе или чая позволяет начать немного отличать небо от озера и деревья от чаек, которые спозаранку носятся над лагерем. Потом поиск камеры и штатива. Потом неспешная ходьба на ногах, которые гудят от хождений по горам, скалам и лесам. Утренний берег сырой и неприветливый. В небе причудливые облака, а за шиворот забирается мокрый холод...

Но потом в глазах все начинает фокусироваться. Лицо разглаживается, в глазах появляются искорки, я чувствую, как приходит азарт. Уже не усталый мужчина в самом расцвете сил, а молодой щенок носится по скалистому берегу с тяжелым штативом и камерой.

Восход был красивый. Желтый туман на горизонте, темно-синие облака и серебряная вода. Что бы вы не говорили, а восход солнца – это самое радостное время суток!

И восходит солнце...

Какое счастье проспать восход и проснуться полным сил в палатке, нагретой утренним солнцем! И какое счастье вылезти из палатки, пройти по росистой траве, поставить кресло под цветущими дикими вишнями, сесть в него с чашкой теплого вчерашнего чая из термоса и достать записную книжку. И еще большее счастье ничего туда не написать, а просто сидеть и млеть под теплыми лучами.

А раньше я как-то написал такую строчку: «Летнее утро – это чудо! Серебрится роса, розовеют облака, просыпаются птицы, свежий ветерок нежно гладит большие зеленые листья... А ты спишь!» На природе это понимаешь особенно глубоко.

Утро в лагере

Утром надо улыбаться. Как бы ты ворочался ночью, считая овец. Как бы не болела голова после вчерашнего банкета. Стисни зубы, потом их почисти и начинай улыбаться. Без этого день будет пропащим.

Можно начинать утреннюю беседу с романтических ночных воспоминаний.

– Я спал и слышал, что всю ночь шел дождь.

– Странно, картонная коробка от гриля стояла под елкой и не намокла.

– Значит дождь шел только над моей палаткой.

– Ночью было тепло. Даже вода в умывальнике не замерзла. Прямо рассказать нечего!

Леша внимательно смотрит на термометр.

– Ну и сколько?

– 60 по Фаренгейту.

– И ты этому веришь?

– Я за термометр десять долларов отдал. Я просто обязан ему верить!

Но от вопросов не отвертеться.

– Кто знает где сливки?

– В матерчатом холодильнике.

– А масло?

– Там же.

– Ты прямо Пифия!

– Может Оракул?

– Не-е-е... Оракул мужского рода!

– У нас самый популярный вопрос начинается со слов – кто знает, где лежит...

– Ага, а самый популярный ответ – а кто его знает!

Утренний комплимент

– Как прекрасно выглядят женщины, когда они выспятся!

– Ты на что намекаешь?

– На то, что ты всегда хорошо выспанная!

Овсянка

Не знаю почему, но в лесу на завтрак хочется овсянку. Дома есть масса причин, почему именно этим утром каша «красоты и здоровья» не лезет в горло. А тут...

– Берешь миску, наливаешь кипяток и чистой рукой сыплешь овсянку. Ждешь сорок секунд и каша готова.

– А если такая овсянка хрустеть на зубах будет?

– Это не каша будет хрустеть, а витамины!

– Эта миска маленькая. Для овсянки я возьму вон ту желтую, она большая!

– Леша, я обожаю мужчин, которые любят геркулес по утрам. Если бы Оля не была моей подругой, то я бы тебя отбила!

Утренний кофе

– Кофе будешь?

– Очень мало!

Леша медленно наливает кофе в кружку.

– Это достаточно мало?

– Это весьма достаточно мало. Это просто гениально мало. Мог бы и побольше налить!

– Кто еще хочет кофе?

– Леша, ты предлагаешь кофе уже второй час подряд. У тебя что, канистра с кофе?

– У меня непрерывный процесс!

Леша пьет кофе из кружки-термоса.

– Эта кружка, как чекист! – говорит он. – Внутренности горячие, а снаружи все чисто и холодно!

- Кто будет гренки? Вот только две немного подгорели.
- А остальные?
- Остальные сгорели полностью!

Пакетики

- У кого есть лишние пакетики?
- На возьми!
- Зачем ты спрашивала, у нас ведь свои есть!
- Свои потом пригодятся.

О пользе курения

Курящие сбились в кружок и наслаждаются первой утренней сигаретой. Я прохожу мимо.
– Вот ты курить здоровым бросил, и у тебя не осталось резервов. А мы заболеем, курить бросим и справимся с недугом.

- Ну, не знаю...
- А потом, как ты вообще можешь теперь фотографировать? Придешь на берег, шелкнешь и надо уходить. А так бы покурил, подумал и нашел бы лучший кадр.
- Ну, не знаю...

Утренние мысли

Утренние мысли, если они не о работе и планах, радостные и глупые. Записывать их нельзя – они банальны. Ведь счастье всегда банально.

Наработался

Очень не хочется возвращаться в цивилизацию. Там ведь работать надо. А тут утром вылез из палатки, сварил овсяную кашу, сосиски, чай заварил и вроде как уже наработался.

Мышцы и мозг

Чем хороша жизнь в палатке? Тут работают мышцы, о существовании которых ты даже не подозревал. И 24 часа на свежем воздухе проветривают не только легкие, но и мозги

День

Философское

Я кажется понял, что главное в таких путешествиях. Это не романтический костер на туманном берегу, это не шум прибоя в ночи, это не освещенные солнцем сверкающие облака на фоне грозового неба. Это даже не рюмка холодной водки перед пахнущим дымом шашлыком. Тут другое. Тут ослабляются какие-то натянутые пружины. Тут уходят все повседневное. Тут нет забот о далеком будущем, нет переживаний о неправильном прошлом.

Тут ты внимательно намазываешь на хлеб домашнюю баклажанную икру и смотришь, как кусочек сливочного масла тает на горячей картошке.

О макаронах

– Кто будет макароны?

– Я ем макароны только когда нервничаю. В остальное время я о них мечтаю.

– Эх, что может быть лучше макарон с майонезом!

– Только макароны без майонеза!

Мы едим макароны и вспоминаем песню «Люблю я макароны». Кто-то замечает, что в оригинальной итальянской песне вместо макарон были помидоры. Все соглашаются, что русский вариант правильнее – ведь помидоры еще никого не погубили.

Блоги

Беседа переключается на блоги. Все с подозрением смотрят на меня – я сижу с блокнотом и что-то пишу.

– Пару лет назад мы с друзьями вели блоги и писали туда ежедневно. Даже жизнь начали строить так, чтобы бы было, о чем писать.

– Ну а сейчас?

– Немного угомонились, а то начинаешь общаться вживую, а тебя обрывают и говорят, что это уже читали. Можно просто было называть заглавие поста и все уже кивают.

– Не понимаю почему многие женщины в блогах ставят чужие стихи и тексты?

– Тебе этого не понять. Ты не был старшеклассницей и у тебя не было заветной тетрадки со стихами, картинками и цитатами про любовь!

Уроки биологии

Леша – это неисчерпаемая кладезь знаний обо всем, что состоит из клеток, растет и размножается. Мы выяснили, что ворон – это не муж вороны. ВорОны живут стаями, а ворон и его подруга живут отдельно. А еще мы узнали, как воюют елки с березками. Тут это наглядно, вокруг умирающая березовая роща.

Представьте лужок, где солнце и много влаги. Березы это любят и начинают заполнять лужок, подрастать и наслаждаться жизнью. Появляется тень, которая нравится елкам, и они начинают расти, радуя наш глаз темными иголками. Елки растут быстрее и скоро березки оказываются в тени. Результат – березки погибают и остаются елки. А потом погибают и елки, не выдержав солнечного света, и все коловращение жизни начинается сначала.

Мы огляделись. Куинджи не стал бы писать картину в березовой роще, рядом с которой стоят наши палатки. Неделю назад тут прошел ураган и десятки деревьев стояли со сломанными верхушками. С большим трудом мне удавалось найти место для фото, где не было видно сломанных и умирающих берез, вытесняемых наглыми елками.

У большого водопада

После завтрака я откололся от коллектива. Коллектив ушел покорять очередную десятикилометровую тропу, а я сел в машину и поехал к самому красивому водопаду Миннесоты (Gooseberry Falls). Хотя прелесть этого водопада пропала за последние годы. Я помню, как тяжело было спускаться к подножью водопада по крутым скользким тропинкам и как мало

было желающих проделать этот путь. Теперь тут асфальтированные дорожки, бетонные лестницы с перилами и специальными съездами для инвалидов. Вокруг толпы людей, говорящих на всех языках мира. Сюда пришла цивилизация, но что-то ушло.

Этот водопад я фотографировал много раз и не стал особо заморачиваться с поиском ракурса. Тем более, что десятки людей шмыгали во всех направлениях и выбрать место без семейства толстопузиков на переднем плане было очень трудно. И тут я увидел фотографа-профессионала. Профи отличает не стоимость аппаратуры, а длительность смотрения в окуляр камеры перед нажатием спуска. Профессионал был толст и разговорчив. Мы с ним поругали широкоугольные объективы «Канона», посетовали на сложность съемки дикого зверья и долго обсуждали продажу фото на Интернете. Во время разговора к профи несколько раз подходила его жена, но он отмахивался от нее, ссылаясь на важность профессионального разговора. Я был горд, что смог поддержать такой разговор. Мне бы еще научиться фотографировать, как профессионал.

Тетерка

Август, мы сидим за столом. Вдруг над нашими головами с диким хлопотом пронесется что-то огромное и садится на рябину.

– Это тетерка, – говорит МС. – Вот отъелась! Она, как гусыня.

Тетерка перебирает лапами и пытается пробраться к краю ветки, где краснеют огромные гроздья ягод. Ветка прогибается, и тетерка останавливается в глубоком раздумье. Через пять минут она догадывается поднять глаза и видит гроздья на верхней ветке, которые буквально касаются ее головы. Начинается процесс методичного ощипывания ягод, от которого тетерку не может отвлечь ни бряцанье кастрюль, ни хлопанье дверей машины.

Наконец тетерка наелась, спрыгнула на землю, подошла к столу и стала внимательно нас разглядывать.

– Сейчас нагадит, – говорю я.

Тетерка презрительно посмотрела на меня, развернула веером свой пестрый хвост, чтобы показать какая она красивая, и не спеша пошла по дорожке.

Кого любит муха

– Ты, как настоящий мужчина, должен убить эту муху!

– У меня рука на нее не поднимается! Она тебя так любит, вьется только вокруг тебя.

– Она тебя любит, если тебе не надоедает!

Бродяги

Мы все бродяги и в палатке долго не сидим. Нас тянет на тропы, которые разбегаются по красным скалам, окрестным зелено-березовым горам, проходят около гудящих водопадов и теряются на красно-серой гальке озера.

Задача каждого – это укатать себя к концу дня, как укатывали Сивку крутые горки.

Фотограф

Я откололся от группы и уныло бреду со своей нелегкой ношей. С каждым приездом на озеро мой рюкзак становится тяжелее и дороже. На качестве снимков это не отражается, но теперь любая съемка превращается в мучительный процесс работы головного мозга. Мне нужно вспомнить какие стекла лежат в коробочках, как их надо использовать, какие кнопки камеры нажимать. Теперь, даже установка штатива – это постоянное решение задач по стереометрии. На выбор ракурса и прочие глупости, типа выравнивания линии горизонта, не остается ни времени, ни сил.

Благословенные времена смартфонов с хорошей камерой еще не наступили.

Река

Я люблю эту реку. Она впадает в озеро спокойным потоком, и только пена напоминает о страшных каньонах, через которые река пробивает свой путь. Каньоны недалеко, метров пятьсот от берега. Там можно ходить зимой, когда от реки остается крошечный ручеек, теку-

щий под толстым слоем льда. Сейчас там царство дьявола. Белая пена с ревом несется между отвесными скалами. Водопад следует за водопадом.

В каньоне висят мостики, где смелые туристы фотографируют пену. Я не люблю эту пену. Я помню, как плыл в подобном каньоне и мой спасжилет не хотел меня держать на поверхности. Мы с МС идем выше по течению. Перед каньонами река разливается, шумит перекатами и небольшими порогами.

Это наше любимое место. Вокруг северный лес с остроконечными елями и чахлыми березами. Небольшие скалы в русле. Они обкатаны водой и за много лет стали круглыми и гладкими. В теплую погоду там можно подолгу сидеть на разогретой шершавой поверхности, смотреть на желто-коричневую воду в маленьких водопадах и вспоминать карельские пороги, на которых такая же коричневая вода становится золотистой в лучах низкого северного солнца.

Вершина

Эта вершина нас манила уже два года, но мы ее оставляли на потом. Казалось, что не хватит сил. Вершина торчала из непроходимого леса и болот. Даже подойти к основанию было непросто.

– Ну что, пойдем? – я был настроен решительно.

Казалось, что если мы там не побываем, то будет ощущение, что мы начали сдавать и нам пора уже ездить только на теплые мексиканские пляжи. МС уговаривать не надо. Любая инициатива с моей стороны, если только она не направлена на возлежание в гамаках, категорически приветствуется.

Первые метры были по сказочному сосновому лесу. Потом лес стал березовым. Потом про лес я не помню, а помню чавканье грязи под ногами, скользкие камни, высокую колючую траву, корни деревьев, образующие лесенку, и влажный тяжелый воздух.

Потом тропа рванула вверх, стала карабкаться мимо отвесных скал, по сухим осыпям, мимо корявых горных деревьев и затем стала почти неразличимой на огромных каменных плитах.

Наконец мы вышли на место, где выше уже ничего не было. Это была вершина!

Мы чувствовали себя победителями и героями. Но недолго. Вдруг поблизости раздались веселые голоса и показалась группа альпинистов. Ее возглавляла девочка лет пяти. Она показывала дорогу своей трехлетней сестре и очень беременной маме с тяжелым профессиональным фотоаппаратом в руках. Группы замыкал папа с огромным рюкзаком, где были объективы к фотокамере, одежда, вода и перекус для всего семейства.

К озеру

В Миннесоте около 12 000 тысяч озер. Выбирай – не хочу! Но МС сумеет найти озеро, которое лежит за тремя горными грядами, и к которому ведет жуткая тропа через камни, скалы, болота и дремучие берендеевские леса, где бродят медведи, воют волки и иногда ходят отчаянные туристы, для поднятия адреналина и сбрасывания лишнего веса. Озеро называлось Bean Lake, я дал английское название для того, чтобы какая-нибудь безрассудная головушка не вздумала повторить наш подвиг.

На вершине второй скалистой гряды мы увидели маленькое озеро среди зеленого болота.

– Это оно! – обрадовался я. – Ставь птицу и поворачиваем назад!

МС вынула карту, долго ее вертела, потом начала вертеться вместе с картой.

– Ну? – спросил я юного географа.

– Карты говорят, что нам с тобой предстоит еще дальняя дорога вон на тот хребет.

МС показала на далекие скалы, еле различимые на цветном осеннем горизонте. Тропа по острым камням резко ныряла вниз и терялась среди угрюмых елей. Потом она должна была по всем законам физики и теоремам математики идти вверх. Я потер пятки, они уже никуда идти не хотели, они хотели залезть в кресло и там спокойно ждать, пока их хозяин попьет пива.

– Зато там нам будет счастье!

– Это почему?

– Мы преодолеем собственную лень.

У меня с ленью были прекрасные отношения, мы мирно жили вместе и пытались хоть иногда наслаждаться жизнью.

Наконец мы выползли на последний хребет. Дальше карта ничего не показывала, тут земля уже закруглялась. Под нами был отвесный обрыв, внизу зеленело озеро, за ним была смешная лесистая горка, а за горкой блестело еще одно озеро.

– Если ты сделаешь двадцать шагов, то картина будет полной, – сказала МС. – Я туда уже сбегала!

Я посмотрел на рюкзак с камерой и объективами, вздохнул и тоже побежал, прихрамывая на все ноги одновременно. Снимок получился, но он не передает состояния фотографа в момент съемки. Вернее, отсутствия какого-либо состояния.

Агаты

Я брожу по агатовому пляжу на Верхнем Озере. Агатов тут много, но искать их лень. У озера на теплой гальке сидят два профессиональных фотографа и жмурятся от яркого солнца. Их камеры зачехлены, они смотрят, как я устанавливаю штатив, вздыхают и отворачиваются, чтобы не видеть, как работают другие люди.

Я их понимаю – работать не хочется во все времена года. Но летом особенно не хочется чем-либо заниматься. Быстренько щелкаю и ухожу.

Жизнь в облаке

На гору, где стоял наш лагерь, пришло облако и осталось там жить. В детстве я видел картинки, где Бог, изображаемый в виде добродушного старичка, сидел на облаке и смотрел на землю. Не знаю, как жить на облаке, но жить внутри облака не очень приятно. Особенно, когда тепло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.